

Об источниках русской книжной статистики

1

Подлинное знание национальной культуры невозможно без ясного и точного представления о книжных богатствах страны. Печатная продукция – самый яркий выразитель достижений нации в ходе ее исторического развития.

Между тем у нас до сих пор еще нет единого свода русской книги. Работа Государственной библиотеки в Ленинграде по изданию «печатной карточки» далека еще от своего завершения и остается пока в форме картотеки; вопрос об издании репертуара русской книги в форме книжной серии еще окончательно не разрешен.

Еще далека от своего завершения предварительная работа по цифровому учету русской книжной продукции: общее количество книг «гражданской печати», выпущенных с начала XVIII века, не учтено даже приблизительно.

Неудачи многих попыток создания репертуара русской книги (И. Г. Безгина, Ю. Битовта, В. Ф. Фреймана, Московского библиографического кружка (впоследствии Русского библиографического общества) и т. д. до С. А. Венгерова включительно) объяснялись, в первую очередь, отсутствием даже приблизительного представления об объеме материала.

Исследователь, обращающийся к источникам русской книжной статистики, встречается с разнообразными трудностями. В различных источниках встречаются самые *различные единицы учета*, превратить которые в соизмеримые величины едва ли возможно: том, экземпляр, сочинение, название (для XVIII века – звание), выпуск, переплет (иногда – издательский переплет), корешок (иногда – издательский корешок), номер, единица (иногда – печатная единица), опус, «числом», «счетом».

Но если бы даже удалось преодолеть затруднение, связанное с отсутствием соизмеримой единицы счета, сразу возникло бы следующее затруднение: *различный объем* материала, учитываемого в различных печатных работах. Под словами: «книга», «книжная (или печатная) продукция», «произведение печати» и т. д. в разное время и у разных авторов понимались: книга, брошюра, листовка, журнал, газета, многотомные и продолжающиеся издания, ноты, карты и планы, эстампы и т. д.

Таким образом, объем статистически обработанного материала в большинстве случаев определяется весьма туманными и общими фразами. Самое понятие «книги», как единицы счета, нуждается в раскрытии. Нередко видя указание: «в таком-то году вышло столько-то книг», исследователь оказывается в затруднении, не зная, как раскрыть эту цифру. Между тем именно этот неясный термин чаще всего употребляется статистиками книги, как якобы наиболее ясный (всякому, мол, понятно, что такое книга).

Далее: сплошь и рядом не выдержан принцип распределения литературы по языку и по территории. В некоторых случаях подразумевается книжная про-

дукция данного периода на территории Российской империи (и соответственно РСФСР, СССР)¹; в других (и это единственно правильно) – на русском и отдельно на иных языках. Так В. И. Межов в «Библиографическом указателе изданных в России книг, отдельных листков, эстампов, нот, карт, планов и пр. и поступивших в имп. Публичную библиотеку в течение 1857 года» приводит цифру 1444, но это итог не по русской книге, а по книжной продукции (кроме периодики) всей Российской империи.

В качестве последнего обстоятельства, подрывавшего доверие к приводимым цифрам, следует отметить, что степень достижения полноты учета в большинстве случаев далека от своего предела.

Это станет особенно ясным, если сравнить цифры, приведенные в различных источниках для одного и того же года:

1825 – 519 (Куфаев), 660 (Кеппен), 575 (Здобнов)
 1834 – 638 («Bibl. Bericht»), 796 (ЖМНП)²
 1855 – 998 (Ламбин), 1135 (ЖМНП)
 1857 – 1444 (Межов), 1373 («Книжный вестник»), 1504 (ЖМНП)
 1859 – 1765 («Книжный вестник»), 1844 (ЖМНП), 2283 (Межов)
 1861 – 1652 («Книжный вестник»), 1893 (ЖМНП)
 1866 – 1740 («Книжный вестник»), 2891 («Военно-статистический сборник»),
 2200 (Румянцевский музей) и т. д.

Нередки, наконец, просто ошибки и противоречия в пределах одного источника. Напомним для примера указанный Н. В. Здобновым случай³. По данным «Военно-статистического сборника» (т. IV, СПб., 1871) в 1868 г. всего, вместе с провинцией, вышло 2092 книги. Эти данные читатель найдет на странице 895. Но на следующей, 896-й странице книжная продукция Москвы и Петербурга в том же году (включая ноты и эстампы) оказывается равной 3166. Точно так же далеки от истины подсчеты В. И. Межова за 1857 г.⁴, о которых мы говорили выше. Другие для того же года дают иные цифры: 1373 («Книжный вестник»), 1504 (ЖМНП), 6756 («Отчет Публичной библиотеки») и т. д.

М. Н. Куфаев в своем исследовании «История русской книги в XIX веке» (Л., 1927. С. 173) приводит данные книжной продукции за 1865–1877 гг. из «Русского календаря» Суворина, относя их ко всей России, хотя этот источник охватывает только Петербург и Москву. Если для начала века книжная продук-

¹ Не говоря уже о постоянной путанице, происходящей то от включения в общую цифру книжной продукции изданий, выходивших в Царстве Польском и Финляндии, то от исключения этих изданий из общей цифры книжной продукции.

² ЖМНП – Журнал Министерства народного просвещения.

³ Совет. библиогр. 1934. № 1. С. 50.

⁴ М. В. Сокурова почему-то считает данные В. И. Межова наиболее полной и точной текущей регистрацией «всех новых изданий» (Библиография русской библиографии. Л., 1944. Т. 1. С. 95–96).

ция двух столиц почти равнялась книжной продукции всей страны, то для 60-х–70-х гг. это составляло уже существенную разницу⁵.

2

Основными источниками книжного учета, охватывающими больший или меньший период времени и претендующими на ту или иную степень полноты охвата материала, являются указатели: П. П. Пекарского (1708–1725); А. Ф. Бычкова (1708–1725); А. К. Шторха и Ф. П. Аделунга (1801–1805); В. С. Сопикова (1708–1812); В. А. Плавильщикова (1726–1825); П. И. Кеппена (1825); В. Д. Комовского (1829); А. Ф. Смирдина (1726–1831); «Bibliographischer Bericht für das Jahr...» (1834–1835); «Журнала Министерства народного просвещения» (1837–1855); П. П. Ламбина (1855); В. И. Межова (1856–1859); «Книжного вестника» (1860–1867); «Русского календаря» А. С. Суворина (1865–1869 и 1872–1877; за 1865–1869 гг. те же сведения в «Военно-статистическом сборнике». СПб., 1871. Т. 4); списков «Указателя по делам печати» (1872–1878); Главного управления по делам печати (1884–1907); Л. Н. Павленкова (1887–1895); «Исторический вестник» (1887, № 3; 1888, № 4; 1889, № 5; 1890, № 6; 1891, № 6; 1892, № 5 и 6; 1893, № 5 и 6; 1894, № 7 и 8; 1896, № 10 и 11); «Книжная летопись» (1907 – прод.), «Ежегодник книги...» (1925–1929, 1935 и 1944).

Сюда же следует присоединить статистические данные, указанные в различных работах, например, в цитированной выше статье Н. В. Здобнова, в названной книге М. Н. Куфаева, в статье А. И. Малеина «Книжные росписи XVIII века» («Труды Института книги, документа и письма» Академии наук СССР. Л., 1936. Т. 5. С. 41).

Обозрение всего этого материала показывает, в какое затруднительное положение попадает исследователь, желающий установить объем русской книжной продукции за тот или иной период. Имеющиеся в литературе статистические данные не позволяют сделать даже и приблизительный вывод по этому вопросу. Попытка составить сводную таблицу, сведя в ней наличные источники, оказывается неправомерной, нарушающей арифметическое правило, по которому нельзя сравнивать в одном ряду различные именованные числа, не приведенные к одному основанию (а привести их, как сказано, невозможно).

Поэтому следует считать необоснованным тот оптимистический вывод, который в свое время сделал Н. В. Здобнов в статье «Русская книжная статистика в XIX веке»: «В течение первого столетия своего существования русская книжная статистика сделала большие успехи: практически было поставлено и в значительной мере разрешено много разнообразных проблем и дано большое количество цифрового материала. Почти все важнейшие элементы и разрезы учета, принятые современной нам книжной статистикой, определялись в XIX в.»⁶. В нашей книжной статистике, безусловно, имеются отдельные цен-

⁵ Ср. еще пример, приведенный в цитированной книге М. Н. Куфаева (с. 52), когда сумма печатных листов за пятилетие была принята за сумму книг за год!

⁶ Совет. библиогр. 1964. № 1. С. 64.

ные и важные работы⁷, но значение этих работ снижается в связи с тем, что они построены на различных основаниях учета и несравнимы, или почти несравнимы, между собой. Свести их к одному принципу значит, в сущности, произвести заново всю статистическую работу.

Задача книжной статистики сводится к поиску такого источника, который учитывал бы русскую книжную продукцию с максимальной полнотой, в течение наиболее длительного периода времени, применяя единообразные методы учета материала.

Такой неиспользованный еще исследователями источник имеется.

3

В утвержденном 14 октября 1810 г. «Положении об управлении имп. Публичною библиотекою» было указано (§ 16), что «Библиотеке сей даруется право, подобно тому, как оно существует для Академии наук, получать безмездно по два экземпляра каждой вновь издаваемой книги из всех типографий в империи состоящих». Этот так называемый «обязательный экземпляр» и положил основание русскому фонду Публичной библиотеки.

Закон вначале исполнялся, по-видимому, неплохо. В июле 1813 г. директор Библиотеки А. Н. Оленин доложил министру народного просвещения А. К. Разумовскому о том, что «в оную довольно исправно доставляются по два экземпляра вновь выходящих книг, не только из цензурных комитетов, но даже из многих других мест, Министерству народного просвещения не подведомственных»⁸. Двойной обязательный экземпляр поступал в Публичную библиотеку до введения нового цензурного устава (1828 г.), когда Библиотеке был предоставлен лишь один экземпляр. В 1849 г. был восстановлен второй экземпляр, но, в действительности, Библиотека продолжала получать только один экземпляр. Второй экземпляр предназначался для секретного Бутурлинского комитета и посылался в адрес Публичной библиотеки лишь «по безгласности» комитета, помещавшегося к тому же в здании Библиотеки.

В 1861 г. за Библиотекой официально был закреплен один обязательный экземпляр для книг тиражом до 600 экземпляров и два – для всего остального материала, т. е. фактически для подавляющего числа всех выходящих в России книг.

Регистрация поступления обязательного экземпляра в Публичную библиотеку началась с 1819 г.⁹ и с тех пор не прекращается. Материалы этой регистрации, кроме «книги поступлений», как правило, фиксировались в относительно единообразной форме в печатных или рукописных отчетах Библиотеки.

⁷ Таковы, например, данные А. К. Шторха и Ф. П. Аделунга, «Библиографических листов» П. И. Кеппена и некоторых других. Ср.: Библиография русской библиографии. М., 1944. Т. 1. С. 80 и Здобнов Н. В. История русской библиографии. М., 1944. Т. 1. С. 99 и 145–146.

⁸ Императорская Публичная библиотека за сто лет, 1814–1914. СПб., 1914 С. 71. В дальнейшем сокращенно: «Сто лет».

⁹ «Сто лет». С. 114.

Сведения этих отчетов можно принять в качестве исходных данных для представления о размерах русской книжной продукции.

Этот *ни кем ни разу еще* не использованный материал обладает рядом несомненных преимуществ перед всеми остальными источниками:

– во-первых, он самый *постоянный*, охватывающий более столетия – с 1810 до 1913 г. в нем, конечно, есть дефекты – прежде всего неполнота, но из года в год она более или менее постоянна. Таким образом, мы получаем возможность вычислить единую поправку. Преимущество такого способа очевидно;

– во-вторых, он самый *обширный* по охвату материала: никакое другое учреждение не собирало русскую печатную продукцию с такой полнотой; отчеты Публичной библиотеки всегда дают наибольшую по сравнению с другими источниками цифру;

– в-третьих, *метод учета материала* здесь был более *единообразен*, чем в любом другом источнике.

Таким образом, хотя этот источник подсчета нельзя считать совершенным, все же он является наиболее удовлетворительным из всех существующих¹⁰.

Следует, конечно, ясно представить себе, какая точность подсчета нас, в данном случае, интересует. Когда речь идет о сотнях тысяч и миллионе, вполне естественно в пределах таких цифр игнорировать известные неточности подсчета. Остановимся ли мы на цифре 600 000 или 610 000 – практически все равно; даже более того: 600 000 или 650 000 для общего представления о масштабах русской печатной продукции – приближенность вполне достаточная, до тех пор, пока не будет создан полный репертуар русской книги. Такого рода «допуски» в работе, ставящей себе лишь общие задачи, а не разрабатывающей деятельные погодные данные, вполне законны.

4

Печатные отчеты Публичной библиотеки охватывают период: 1811–1817 гг. и 1850–1912 гг. Заполнить существующие лакуны позволяет архив библиотеки.

Из пропущенных годов лишь в четырех случаях (1818, 1826, 1827, 1828) материалы архива не дают нужного ответа. Это заставляет брать для каждого данного года среднее предшествовавшего и последующего годов. С точки зрения теории вероятности, подобный метод подсчета дает достаточно правдоподобную цифру.

¹⁰ Не могут быть использованы для тех же целей отчеты бывшего Румянцевского музея. Право обязательного экземпляра библиотека музея получила лишь в 1869 г., т. е. на 59 лет позже, чем Публичная библиотека; это, естественно, отразилось на полноте ее фондов за предшествующие годы. Кроме того, отчеты библиотеки сплошь и рядом фиксируют материал лишь приблизительно и суммарно за несколько лет (см. 1867–1869 гг., 1873–1888 гг.), порой объединяя в одной цифре как поступления обязательного экземпляра, так и пожертвования (см., напр. 1906–1909 гг.). С 1913 г. издание печатных отчетов прекратилось.

Однако, прежде чем приводить погодную таблицу и давать итоги подсчетов, следует остановиться на вопросе о полноте поступления в Публичную библиотеку обязательного экземпляра.

Известно, что обязательный экземпляр никогда не поступал в Библиотеку полностью.

Жалобы на неполноту обязательного экземпляра имеют длинную историю и касаются не только Публичной библиотеки¹¹.

В «Систематическом обозрении...» А. К. Шторха и Ф. П. Аделунга (СПб., 1810, ч. 1, стр. XVI) читаем:

«Хотя библиотека Академии наук, в силу императорского повеления, и должна получать по экземпляру всякой в Российской империи печатаемой книги, но учреждение сие столь мало исполняется и сверх того, как явствует из вышеприведенных причин, столь трудно исполнять оное, что упомянутая библиотека, по предположению, получает не более половины всех в России печатаемых книг».

Надо полагать, что А. К. Шторх и Ф. П. Аделунг сильно преувеличивают и сгущают краски. П. И. Кеппен, например, в 1825 г. сообщал, что из 600 новых сочинений ему удалось до 500 описать *de visu* в департаменте Министерства народного просвещения (Библиографические листы. 1825. № 43. С. 639).

Неполнота поступления обязательного экземпляра в Публичную библиотеку зафиксирована в целом ряде случаев.

С 1814 г. началась борьба за исправность получения обязательного экземпляра. В § 33 «Начертания подробных правил для управления имп. Публичною библиотекою» читаем:

«Каждый библиотекарь по своей части обязан осведомляться: не вышли ли из печати, после состояния уже „Положения об управлении императорскою Публичною библиотекою“ какие-нибудь сочинения, коих узаконенное § 16-м „Положения“ число экземпляров в Библиотеку не доставлено, и буде есть такие сочинения в продаже, то немедленно должен письменно о том представлять директору»*.

В работе по пополнению лакун обязательного экземпляра ближайшее участие принимал И. А. Крылов. В деле № 3 за 1831 г. «О доставленных книгах по закону» мне удалось (на листе 19) обнаружить следующий не изданный до сих пор рапорт И. А. Крылова, который привожу полностью:

«Его высокопревосходительству, господину директору императорской Публичной библиотеки, члену Государственного совета, действительному тайному советнику и кавалеру Алексею Николаевичу Оленину.

От библиотекаря статского советника Крылова

¹¹ Ср., например, в отчетах Румянцевского музея за 1902 г. – с. 39; за 1906 г. – с. 53 и др.

* Акты, относящиеся до нового образования имп. Публичной библиотеки. СПб., 1812. С. 27.

Во исполнение предписания Вашего высокопревосходительства от 31-го Января сего года за № 24 честь имею сим донести, что выправка книг из разных библиографических известий за прошедший 1830 и частию за 1829 годы по вверенному мне русскому отделению учинена. Каких же именно из находящихся в продаже книг, из цензурных комитетов и других мест, в русском отделении императорской Публичной библиотеки по сие время не получено, то подробно значится в прилагаемом при сем реестре.

Библиотекарь Иван Крылов».

К рапорту приложен подписанный И. А. Крыловым реестр 16 недоставленных книг. А. Н. Олениным положена резолюция: «Отнестись кому следует».

Вероятно, подобного рода работы производились не только в 1831 г., но и в другие годы: ряд дел архива Библиотеки (напр. 1841, № 1; 1842, № 2 и др.) содержит постоянные напоминания разным учреждениям империи о необходимости и обязательности по закону доставки не присланных почему-либо книг.

В более поздние годы в отчетах появляется даже рубрика: «истребовано Библиотекою от разных мест и лиц своевременно в нее недоставленных». Таким способом (в 1892–1895 гг.) удавалось восполнять от 3 до 5 % лакун.

Борьба за полноту обязательного экземпляра продолжалась многие годы; однако положение улучшалось очень незначительно.

Так, в отчете М. А. Корфа о десятилетнем управлении Библиотекою читаем:

«Должно заметить, что важная мера доставления всего печатаемого в России, столь необходимая уже и в настоящую эпоху, не говоря о будущем, исполняется не с должной точностью. Напоминания о доставлении той или другой книги, следуемой Библиотеке по закону, составляют одну из значительнейших цифр в ее переписке»^{*}.

Если издания, подведомственные цензуре Министерства народного просвещения, поступали хотя бы с относительной полнотой, то издания, проходившие иные цензурные ведомства, поступали плохо. Таковы цензуры Военного министерства, министерств внутренних дел, финансов, государственных имуществ, почт и телеграфов, управления военно-учебными заведениями, управления коннозаводства и т. д. и особенно цензуры духовного ведомства. Правда, в 1880 г. Синод специальным циркуляром подтвердил всем подведомственным ему учреждениям духовного ведомства, «чтобы все издания... были непременно доставляемы в императорскую Публичную библиотеку»¹². Известно, помогло ли это напоминание.

Плохо поступали в Библиотеку земские и все вообще малотиражные (в том числе лито-гектографированные) издания, вышедшие на правах рукописи; плохо поступала целая категория различных официальных изданий – проектов, докладных записок, отчетов и т. д. Порою отдельные высокопоставленные

^{*} Десятилетие имп. Публичной библиотеки (1849–1859). СПб., 1859. С. 26.

¹² «Сто лет». С. 353.

издатели вообще не считали нужным снабжать Библиотеку своими изданиями. Таков был, например, Аракчеев¹³.

Существовавшая в отчетах Библиотеки рубрика, фиксирующая покупку русских книг у отдельных лиц, до известной степени может служить указанием на размеры лакун, ибо, как правило, дублировка фонда не входила в задачи Библиотеки.

Попытаемся определить средний процент лакун русского фонда Библиотеки. Пособием для этой работы могут быть данные по отдельным авторам, произведения которых Библиотека собирала с возможною полнотою, выявляя путем специальных библиографических разысканий список всех существовавших изданий.

Оказывается, что цифра, определяющая процент отсутствующих книг, очень постоянна и одинакова. Так, процент лакун по изданиям сочинений В. И. Ленина равен (точнее: был равен к 1941 г.) 11 %, по изданиям А. С. Пушкина – 13 %; по изданиям И. А. Крылова – 12 %; по изданиям М. Е. Салтыкова – около 8 %.

Сверка наличности дублетного фонда Библиотеки (особенно имея в виду огромное поступление бесхозных и выморочных фондов в период Великой Отечественной войны и блокады Ленинграда) с каталогом основной части также дала пополнения в размере 11–12 %. При этом любопытно отметить, что данные по отдельным буквам давали по каждой постоянную цифру, колебавшуюся от 10 % до 12 %.

Произведенная в 1934 г. группой «печатной карточки» Публичной библиотеки сверка с фондом Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина дала, правда на очень небольшом материале (около 700 единиц), ту же цифру – 11 %.

Таким образом, мы будем близки к истине, считая, что недостающие в Публичной библиотеке книги по отношению ко всей массе вышедших составляют 12 %. Эту поправку необходимо ввести, соответственно увеличив цифру итога.

5

Остановимся еще на одном вопросе.

Отчеты Библиотеки фиксируют цифру поступивших за год книг, включая сюда и так называемый мелкий материал, т. е., в первую очередь, листовки (иногда карты и планы), а в иные годы не выделяя периодику в отдельную цифру. Кроме того, в течение ряда лет «Отчеты ...» включали в число поступивших «по закону» обязательных экземпляров сочинения, опубликованные на территории Российской империи не только на русском, но и на других языках.

Это совершенно правильно, с точки зрения закона, но для наших целей мешает ясности картины. Если в начальные годы XIX века эта цифра невелика, то впоследствии она вырастает в изрядную величину.

¹³ См. Андерсон В. Граф Аракчеев и его издания // Рус. библиофил. 1911. № 4. С. 7.

Опытные подсчеты по отдельным годам и подсчет по отдельным буквам каталога позволяют приблизительно считать эту цифру равной 15–17 % общего числа поступивших в Библиотеку книг. Стало быть, поправка, вычисленная выше для лакун, и цифра подсчетов излишне включенного в статистику материала заставляют в целом итоги подсчетов для каждого года уменьшить, приблизительно, на 5 %.

6

Хотя точная регистрация книг, как сказано выше, началась в Публичной библиотеке с 1819 г., но данные отчетов охватывают материал с 1810 г. Надо полагать, таким образом, что цифры 1810–1818 гг. преуменьшенные; но, с другой стороны, до 1817 г. регистрация русских и славянских книг велась совместная. Не будет большой ошибкой, поскольку книжная продукция этих лет исчислялась немногими сотнями, принять эти данные в основу расчетов: в данном случае интересна не столько цифра каждого отдельного года, сколько сумма всех лет, а «допуски» в 1–2000 единиц для настоящих целей большого значения иметь не могут.

Следует иметь в виду также и то обстоятельство, что в период 1810–1849 гг. включительно подсчет велся в названиях («званиях» для первых лет, впоследствии «сочинениях»); в 1852–1863 гг. включительно счет шел только в томах; в 1850, 1851 и начиная с 1864 г. и до конца приводятся обе цифры. Таким образом, цифру томов за 1852–1863 гг. – 65 692 – следует уменьшить на 10 %, чтобы получить приблизительно цифру названий. Это составляет 59 123.

Данные печатных и рукописных отчетов Публичной библиотеки представляются в следующем виде¹⁴:

1810	[500]	*1821	913
1811	535	*1822	550
1812	549	*1823	557
1813	[700]*	*1824	511
1814 ¹⁵	[662]*	*1825 ¹⁶	596
1815	318	1826	«650»
1816	476	1827	«700»
1817 ¹⁷	417	1828 ¹⁸	«735»
1818	[521]	1829	875+57 журналов
*1819	625	1830 ¹⁹	692+43 журнала
*1820	1756	*1831	860+71 журнал

¹⁴ Данные, заимствованные из архива, обозначены астериском. Данные, взятые из «Имп. публичной библиотеки за сто лет», заключены в квадратные скобки. Данные, вычисленные как среднее предшествующего и последующего годов, – в кавычки.

¹⁵ Собственно: 629 и 33, подлежащих поступлению, но не доставленных.

¹⁶ Цифры отчета за 1822–1825 гг., по-видимому, включают, кроме книг, также ноты и карты и тем самым нуждаются в некотором уменьшении.

¹⁷ Цифры по русской и славянской книге за 1810–1817 гг. даны суммарно.

¹⁸ По данным «Сто лет...» к 20 марта 1829 г. в Библиотеке было 10 000 русских книг (с. 113). Приведенные цифры дают близкий итог – 11 999.

¹⁹ По данным другого архивного дела – 757+43 журнала.

*1832 ²⁰	752+75 журналов	1866	3927 (4080)		
*1833	764+68 журналов	1867	4919 (5837)		
*1834	589	1868	4526 (4942)		
*1835 ²¹	655	1869	5286 (5650)		
*1836	897+72 журнала	1870	6696 (7969)		
*1837	1021+82 журнала	1871	5459 (6649)		
*1838	1103+105 журналов	1872	6439 (7007)		
*1839	1016+125 журналов	1873	7295 (7794)		
*1840	957+120 журналов	1874	8282 (9776)		
*1841	901+119 журналов	1875	7852 (8560)		
*1842	1000+123 журнала	1876	7300 (7784)		
*1843	1142+93 журнала	1877	7502 (7765)		
*1844	1079+127 журналов	1878	7920 (8221)		
*1845	1119+129 журналов	1879	9155 (9830)		
*1846	1370+142 журнала	1880	10 660 (11 264)		
*1847	1464+140 журналов	1881	8386 (8695)		
*1848	2232+145 журналов	1882	9617 (10 073)		
*1849	1916+225 журналов	1883	9913 (10 804)		
1850	1737 соч. (1867 тт.) + 162 газеты и жур. ²²	1884	10 478 (12 250)		
1851	2032 (2346 тт.)	59123 соч.	1885	11 945 (13 009)	Своевременно не доставленные
1852	2273		1886	10 977 (11 625)	
1853	3179		1887	13 433 (14 300)	
1854	2098		1888	12 661 (13 331)	
1855	5584		1889	13 947 (14 300)	
1856	5878		1890	14 849 (15 820)	
1857	6756		1891	14 237 (15 094)	
1858	6630		1892	15 603 (16 700) +418 (422)	
1859	7244		1893	15 683 (16 371) +624 (632)	
1860	7084		1894	16 541 (17 108) +886 (10 007)	
1861	5576		1895	17 859 (18 365) +540 (610)	
1862	6556		1896	19 863 (21 541)	
1863	6834		1897	23 716 (25 681)	
1864	2523 соч. (2833 тт.) ²³		1898	23 634 (26 248)	
1865	3042 (3290)				

²⁰ По данным другого архивного дела – 730+75 журналов.

²¹ По данным «Сто лет...» к 22 марта 1836 г. в Библиотеке было свыше 26 000 русских книг (с. 113). Приведенные цифры дают итог – 17 186 названий. В цифру «Сто лет...» вошли, очевидно, журналы, подсчитанные по числу номеров, и, возможно, мелкий материал.

²² По данным «Сто лет...» – 2023 (Приложение, с. VII).

²³ В дальнейшем первая цифра – число названий, вторая (в скобках) – число томов.

1899	23 524 (24 749)	1907	33 401 (36 670)
1900	25 700 (27 073)	1908	28 021 (28 895)
1901	27 567 (29 462)	1909	31 060 (33 934)
1902	25 987 (27 362)	1910	36 007 (38 712)
1903	27 256 (29 510)	1911	33 177(33 522)+2120 журналов
1904	27 051 (28 540)	1912	34 585 (35 191) + 2206 журналов
1905	20 664 (21 572)	1913	33 030 (33 219)
1906	16 457 (16 839)		

Данные отчетов Публичной библиотеки заканчиваются 1913 годом. Дальнейший материал крайне неполон; отчеты за ряд лет отсутствуют. Следующие годы приводятся ниже по данным «Книжной летописи». Следует иметь в виду, что этот источник едва ли является полным: фактическое поступление в Книжную палату больше того, что помещается в «Книжной летописи»²⁴.

7

В первые годы издания «Книжной летописи» этот разрыв был еще значительнее, и цифры отчетов Публичной библиотеки неизменно выше цифр «Книжной летописи». Вообще, цифры этого источника приводятся как ориентировочные для того, чтобы довести статистику до наших дней. Так, в «Книжной летописи» 1914–1925 гг. и 1934–1937 гг. учтены книги на всех языках народов СССР, в период 1917–1924 гг. сплошь и рядом вводился т. н. «мелкий материал», в одни годы «Летопись» давала материал лишь по РСФСР, в другие по СССР, и т. д. Все это позволяет смотреть на нижеприводимые данные лишь как на приблизительные.

1914	32 338	1926 ²⁵	22 793
1915	26 044	1927	22 270
1916	18 174	1928	22 540
1917	13 144	1929	25 006
1918	5326	1930	31 577
1919	8377	1931	32 922
1920	5712	1932	29 477
1921	6657	1933	27 683
1922	10 516	1934	41 461
1923	13 380	1935	42 479
1924	14 491	1936	42 892
1925	22 059	1937	37 583

Для получения общего итога недостает данных: по XVIII веку; за период 1800–1810 гг.; по «вольной печати» (зарубежная и нелегальная книга).

²⁴ См.: Яницкий Н. Ф. Книжная статистика Советской России, 1918–1923. М.: Гиз., 1924. С. 4.

²⁵ Цифры известных статистических сводов Н. Ф. Яницкого несколько отличны: в 1918 и 1922–1926 гг. включительно они выше данных «Книжной летописи», в 1919–1921 гг. – ниже.

8

Можно попытаться с большей или меньшей точностью определить размеры русской книжной продукции XVIII века.

Период петровской книги²⁶ (1708–1725) подсчитан довольно точно: П. П. Пекарский за этот период дает цифру – 331²⁷, А. И. Малеин – близкую к ней – 327. М. Н. Куфаев (цитированная книга, с. 30, ср. с. 23 и 51) за период 1700–1725, включая и книги славянского шрифта, называет (видимо, на основе Пекарского) большую цифру – 561, но если вычесть 240 славянских книг этого периода (данные Пекарского), то получим очень близкую к двум первым цифру – 321.

Остальные три четверти века по Куфаеву (опять-таки гражданский и славянский шрифты вместе) равны 6585, по Малеину – 8172. Н. В. Здобнов, без указания источника, приводит следующие данные:

1725–1740 – 175 книг

1741–1761 – 600 книг

1761–1800 – около 7800 книг, т. е. всего около 8575 книг.

В. С. Сопиков, исключая 1865 книг славянского шрифта, дает до 1812 г. включительно для гражданского – 11 384, а если добавить сюда все последующие дополнения и поправки, то цифра эта вырастает до 12 000. Исключая первые 12 лет XIX века (около 3200 – см. ниже), получаем для XVIII века – 8500.

Это, приблизительно, совпадает с цифрой Малеина и несколько меньше итога М. Н. Куфаева (7146 – см. с. 30 цитированной книги).

Приняв для XVIII века цифру в 8500 названий, мы, очевидно, будем близки к истине. Приводимая А. П. Кулаковым без указания источника и оснований расчета цифра 9515, вероятно, преувеличена. (См. его книгу: *Общее библиографическое источниковедение*. Л. 1939. С. 56. Ср. данные П. М. Милюкова в его «Очерках по истории русской культуры», ч. 3, вып. 2. СПб., 1903. С. 336: без указания оснований также дана цифра – 9513).

Нет надобности использовать для наших подсчетов данные А. С. Родосского, который за 1708–1800 гг. насчитывает лишь 782 названия (а за петровское время лишь 38), В. А. Плавильщикова (за 1708–1825 гг. в его каталоге 8840), А. Ф. Смирдина (1726–1830 гг. вместе с картами и нотами 12 036): данные этих источников заведомо неполны и не могут быть взяты даже и для сравнения.

9

Так называемая «вольная печать» (зарубежная и подпольная), по понятным причинам, никогда не была объектом ни книготорговой, ни государственной регистрации, ибо эти издания никогда не входили в состав обязательного экземпляра.

²⁶ В настоящей работе нас интересует только русская гражданская печать.

²⁷ А. Ф. Бычков, охвативший только фонд Публичной библиотеки, дает 208.

Правда, в уставе Румянцевского музея 1869 г. оговорено, что музею предоставлено право «безмездно получать» «по экземпляру всех конфискованных или удержанных... заграничных изданий», однако, едва ли это право действительно полностью реализовалось. В уставах Публичной библиотеки (изд. 1903 и 1911 гг.) подобного пункта нет, но фактически такого рода передача часто имела место.

Для суждения о количестве названий в литературе имеются, к сожалению, очень немногие данные.

Наиболее полно «вольная печать» представлена в известном каталоге В. М. Андерсона «Вольная русская печать в Российской Публичной библиотеке» (Пб., 1920). Выпущенный вскоре после Великой Октябрьской социалистической революции, этот каталог является не столько результатом систематического изучения и сбора «вольной печати», сколько предварительной публикацией состава одного из наиболее полных собраний этого рода, оставляя далеко позади все имевшиеся раньше в литературе указатели и каталоги (А. В. Суворина, Б. С. Боднарского (Вып. 1–4, М., 1908–1910), Штура (С. Герстмана); «Алфавитный каталог книг на русском языке, запрещенным к обращению и перепечатанию в России» (три издания – СПб., 1876, 1884, 1897 и дополнение – 1899), «Обзоры важнейших дознаний, производившихся в жандармских управлениях империи» и др.). Еще Н. П. Смирнов, характеризуя все эти источники, отмечал, что они не содержат и половины всех подпольных и зарубежных изданий, напечатанных на русском языке²⁸.

К сожалению, каталог В. М. Андерсона за истекшие 25 лет не заменен никаким иным. Библиографический указатель: «Русская подпольная и зарубежная печать» (М., 1935), осуществлявшийся издательством политкаторжан, прекратился на первом выпуске, охватывающем лишь книги, брошюры и листовки за период 1831–1879 гг.

Каталог В. М. Андерсона содержит 3332 номера; однако уже из предисловия (стр. VII) мы узнаем, что фактическая наличность фонда «вольной печати» в Публичной библиотеке составляет около 5000 книг, брошюр и прокламаций и около 250 названий периодической печати.

Библиографический указатель издательства политкаторжан представляет собою одновременно и сводный каталог; каждое описание снабжено указанием на те библиотеки, в которых данная книга имеется. Из 718 названий, указанных в 1-й части (книги и брошюры), в Публичной библиотеке отсутствует 125, т. е. около 18–20%.

Эта цифра может быть принята как поправочный коэффициент к данным В. М. Андерсона. 6000 названий книг, брошюр и 300 названий периодической печати более или менее точно определяют размеры русской зарубежной и подпольной печати, включая сюда и книги, вышедшие легально, но впоследствии подвергшиеся запрещению, аресту и уничтожению. Л. М. Добровольский в своей диссертации: «Запрещенная книга в России, 1855–1905» на основании длительных и тщательных архивных разысканий за этот период считает около

²⁸ Библиографические материалы. СПб., 1898. С. 194.

250 названий книг такого рода. В какой-то очень небольшой части (в абсолютных цифрах и в ничтожных долях процента) легально изданная книга, запрещенная впоследствии, успевала попасть в органы государственной книжной регистрации.

Следует, кроме того, иметь в виду, что на основании высочайшего повеления от 27 июня 1887 г. и на основании ст. ст. 297 и 304 Устава о цензуре были воспрещены к ввозу в Россию все книги священного писания, изданные за границей.

10

Для периода 1801–1805 гг. А. К. Шторх и Ф. П. Аделунг дают цифру 1304 (включая сюда ноты и периодические издания). Условно принимая для этого пятилетия цифру 1200 и учитывая прогрессию увеличения книжной продукции в последующие годы – для пятилетия 1806–1810, столь же условно можно принять цифру 2000.

Книжная продукция первого десятилетия XIX века, таким образом, приблизительно, принимается равной 3200. Цифра эта, вероятно, близка к действительной, если сравнить ее с данными второго десятилетия, составляющими около 5000. П. И. Кеппен считает, что в период 1801–1806 гг. в среднем в год выходило по 260 русских книг²⁹, т. е. около 1500 за все пятилетие. Считая, что во второе пятилетие в среднем выходило даже по 350 книг, всего за десятилетие выходит 3250, т. е. расчет, примерно, совпадает.

Подведем итоги наших подсчетов³⁰.

XVIII век		8500
XIX век	1800–1809 включительно.....	3200
	1810–1899.....	468 552
		471 752
XX век	1900–1916	452 692
	1917–1937.....	478 344
		931 036
«Вольная печать».....		6000
	Всего	1 417 288

Представляет интерес расположить эти цифры еще и в таком виде:

XVIII век.....		8500
	1800–1824.....	12 310
XIX век	1825–1849.....	28 830
	1850–1874.....	115 220
	1875–1899.....	320 392
XX век	1900–1916.....	452 692

²⁹ Библиогр. листы. 1825. № 43. С. 644.

³⁰ Все цифры далее – с поправками, обоснованными в гл. 4 и 5.

«Вольная печать».....6000

938 944

Таким образом, вся русская дореволюционная книжная продукция равна приблизительно 940 000 названиям.

Приведенные расчеты, несомненно, не точны и представляют собой не более, чем первое приближение к действительной цифре. Значение приведенных здесь цифр заключается лишь в том, что сравнительно с другими они основаны на самом значительном по времени, обширном по объему и постоянном по методу подсчета материале и, таким образом, более точны, чем иные, тоже приблизительные итоги, существующие в нашей литературе.

Приняв их за основу, будущий исследователь сможет их уточнить и исправить, приведя в полную ясность: для этого нужен конкретный анализ данных каждого года, проверка и сравнение с другими источниками, разнообразные подсчеты самого материала и т. д. Задача настоящего очерка заключалась прежде всего в том, чтобы привлечь внимание к вопросам книжной статистики и указать важный источник, ни разу еще не попадавший в орбиту внимания исследователей.

Рейсер О. А. Об источниках русской книжной статистики // Совет. библиогр. – 1946. – Вып. 1 (20). – С. 75–90.